

На столь дерзкую и открытую провокацию Цзи Яогуан лишь снисходительно улыбнулся, ничуть не обиженный.

— Что же, премного благодарен, — спокойно отозвался он.

А вот Линь Чжао мириться с этим не собирался. Изогнув тонкие брови, он возмущенно фыркнул:

— С чего бы это «благодарен»? — вскинулся он. — Будто забыл, что все эти средства ты сам ему когда-то и ссудил! А твои деньги, между прочим, — мои деньги. Мы, так и быть, не станем требовать с нашего достопочтенного Владыки возврата долга до последней ракушечной монеты. Пусть вернет хотя бы то, что сможет наскрести!

Сы Цзинь с явным изумлением воззрился на Цзи Яогуана. Хитро прищурившись, он перевел взгляд с одного на другого и елеинно улыбнулся:

— Надо же, Цзи Яогуан, никогда бы не подумал! Похоже, на этот раз ты действительно обернул беду в благословение... А-Чжао, послушай меня. Я вовсе не хочу сказать, что твое Старое дерево никуда не годится, но за ним тянется слишком длинный шлейф былых неприятностей. Если надумаешь избавить своего ненаглядного от этой обузы, милости прошу ко мне. Пускай великим могуществом я не похвастаюсь, но подсобить кое-чем сумею.

В душе Линь Чжао мгновенно взвилась настороженность. Бросив быстрый взгляд на Старое дерево, он насупился:

— Что еще за неприятности? Изъясняйся точнее, нечего тут туману напускать.

Цзи Яогуан порывался что-то возразить, но, поколебавшись несколько мгновений, лишь тихо вздохнул и промолчал.

Сы Цзинь понимающе усмехнулся:

— Брат Цзи, не обессудь за излишнюю прямоту, но о подобных вещах умалчивать грешно. Вспомни битву в Безлунном море. Твое тело тогда поразила скверна, ты больше не мог нести свое бремя. Под колоссальным давлением тебе пришлось уступить часть власти бога весны, чтобы Шаманское царство смогло явить миру нового Лазурного императора. За эту кость вцепились мертвой хваткой десятки великих кланов, вассальных государств и даже Школа Великой Камелии. Они положили на это уйму сил. Стоит тебе заявить о своем возвращении, как начнется такая резня... Мало кто захочет уступить нагретое место.

Линь Чжао лишь презрительно фыркнул, прервав его на полуслове:

— И это всё? Я-то думал, стряслось что-то по-настоящему ужасное. Если Старому дереву

захочется вернуть свое — мы пойдём и отнимем. А если не захочется — пусть катятся со своей властью к чертям собачьим. Ладно, к чему эти долгие речи? Боишься, что я проболтаюсь твоему брату? Успокойся, разбрасываться столь ценным компроматом я не намерен. Он мне еще пригодится.

Слащавая улыбка Сы Цзиня мгновенно застыла, а его холеное лицо сделалось абсолютно бесстрастным:

— Вот и славно. Мне проводить вас лично или доверить это дело моим птицам?

Линь Чжао усмехнулся:

— Птицы будет вполне достаточно.

Из его уст вырвался едва слышный смешок. Сы Цзинь небрежно взмахнул рукой, и с его ладони сорвалась крошечная пичуга. Она взмыла в воздух, оставляя за собой мерцающий звездный след, четко указывающий дорогу.

Намек на то, что гостям пора и честь знать, читался без труда.

Цзи Яогун аккуратно сложил в плетеную шкатулку лакомства, которые так любила его маленькая птичка, и поднялся.

— В таком случае мы откланяемся, — произнес он. — Что до беды А-Ли — я непременно подумаю, как ему помочь, даже без твоих просьб. Время терпит. А-Чжао не из тех, кто станет коварно играть на чужих слабостях.

Линь Чжао насмешливо склонил голову набок:

— Ну, бывай. Перекрой свой план как следует и не забудь вписать туда меня. Но помни: помогаю я лишь единожды.

Проводив их взглядом, Сы Цзинь ненадолго задумался. С его лица мгновенно слетела вся напускная спесь, он вновь принял свой привычный полуживой, апатичный вид и принялся мысленно перекраивать затейливый узор заговора.

Постепенно напряжение покинуло его, а губы тронула едва заметная довольная ухмылка. Прошлый замысел грешил излишним безрассудством, но теперь, когда сама судьба подбросила ему двух столь могущественных покровителей, грех было не воспользоваться такой удачей.

Пускай один из них пока еще не набрал полную силу, предусмотрительность никогда не бывает лишней.

«А этот Цзи Яогуан не так уж плох. Поделился влиянием, не стал грести все под себя. Надо же, впервые признаю, что у моего несносного братца действительно отменный вкус на друзей».

Следуя за мерцающей пичугой по извилистой тропинке, Линь Чжао сгорал от любопытства.

— Почему Сы Цзинь так трепещет перед старшим братом? — спросил он. — Неужто тот и впрямь способен забить его до полусмерти?

Цзи Яогуан мягко улыбнулся, покачав головой:

— В былые годы А-Ли на собственной спине вытащил его из пекла войны, пробиваясь сквозь горы трупов и реки крови. Пускай по крови они братья, но вырастил он его как родной отец. Оттого и воспитывал в строгости. Сы Цзинь, конечно, бунтовал, как всякий юнец, но страх перед гневом старшего за годы укоренился так глубоко, что вошел в привычку. Даже набедокулив сейчас, он больше всего боится разоблачения.

— Но ведь он и сам Небесный шаман! — не унимался Линь Чжао. — Разве он не мог давно отделиться, уйти на вольные хлеба, чтобы над душой никто не стоял? Неужто ему чуждо стремление к свободе?

Сам Линь Чжао после выпускного класса больше всего грезил именно об этом — о вольной студенческой жизни, возможности безрассудно сорить деньгами и спать до полудня, предаваясь всем прелестям беззаботного безделья.

— Отчего же, попытка была... — Цзи Яогуан негромко рассмеялся. — Он успел основать собственную школу, обзавелся возлюбленным и даже присмотрел отличные земли для своей будущей резиденции. Но именно в тот момент его внезапно подкосила затяжная «болезнь».

Линь Чжао сочувственно хмыкнул:

— Понятно. Сам себе яму вырыл.

— Стоило ему занемочь, как ученики поспешили избрать нового наставника. Им, к слову, оказался тот самый возлюбленный. Да и обещанные земли быстро прибрали к рукам расторопные конкуренты.

Линь Чжао удивленно округлил глаза:

— И старший брат за него не заступился?

— Отчего же, заступился. Однако обидчики поспешили откупиться редчайшими целебными снадобьями и драгоценными эликсирами. А-Ли взвесил все «за» и «против» и решил, что гора редких лекарств для больного брата куда полезнее, нежели сомнительные земли и вероломный любовник. На том дело и замяли.

Линь Чжао покачал головой:

— Идеальное преступление против самого себя.

— Признаться, раньше я искренне восхищался им, — с легкой досадой проговорил Цзи Яогуан. — Смотрел, как безропотно и величественно он сносит недуг, и думал: «Вот пример для подражания. Случись со мной беда, я обязан держаться столь же достойно». Кто же знал, что все это время он просто разыгрывал передо мной комедию.

Линь Чжао рассмеялся и ласково потрепал Цзи Яогуана по щеке — жест, ставший для него уже привычным:

— Вот-вот. Старое дерево, уж в чем тебе не отказать, так это в железном спокойствии. Держу пари, во всем мире не сыщется древесного духа с более крепкими нервами!

— Безусловно, — самодовольно прищурился Цзи Яогуан. — Среди всех шаманов с тотемами растений мне нет равных по хладнокровию.

За тихой беседой путь пролетел незаметно. Пичуга летела резво, и вскоре они очутились перед воротами изящной усадьбы.

Вокруг тихо шелестели изумрудные бамбуковые рощи, воздух был напоен сладким ароматом цветов и звонким птичьим щебетом, а над гладью небольшого пруда клубилась прохладная дымка. Место дышало умиротворением и покоем.

Цзи Яогуан тепло улыбнулся. Под его легким пассом сочная зеленая трава под ногами расступилась, уступая место молодым деревцам. Их узловатые корни, переплетаясь, устремились ввысь и бережно подняли из глубин земли белоснежную скорлупу безопасного дома, сотворив подобие гигантского, уютного гнезда.

Линь Чжао с восторгом огляделся по сторонам:

— Восхитительно! Пожалуй, лучшего пристанища нам и не сыскать. Остановимся здесь.

Он ловко скользнул внутрь домика-скорлупы и с разбегу повалился на мягкий ковер из свежей травы. Сделав несколько кувырков, он полной грудью вдохнул терпкий, смолистый аромат зелени. Но этого показалось мало. Подскочив, Линь Чжао с разбегу запрыгнул на вошедшего следом Цзи Яогуана. Опешившее от такой прыти Старое дерево покачнулось, и они вместе

рухнули на травяной настил. словно плюшевую игрушку, Линь Чжао сгреб его в охапку, перекатился с боку на бок и, упершись подбородком в крепкое плечо, блаженно зажмурился. Спустя минуту он наконец ослабил хватку и выпустил мужчину из объятий.

«Вот она, настоящая жизнь!»

Цзи Яогун остался лежать на спине, тщетно пытаясь сдержать рвущуюся наружу глупую, счастливую улыбку. Не преуспев в этом, он лишь смущенно отвернулся, напоминая невинную девушку после первого поцелуя, которая всем сердцем жаждет повторения этой сладкой пытки.

Однако Линь Чжао уже потерял к нему интерес. Устроившись поодаль, он с воодушевлением распахнул плетеную корзину и принялся с хрустом уплетать аппетитную жареную рыбешку.

— Эй, Старое дерево, присоединяйся! — весело крикнул он.

Цзи Яогун бесшумно поднялся, приводя в порядок растрепавшиеся одежды. Он долго и скорбно созерцал хрустящее лакомство, после чего тихо вздохнул:

— Пожалуй, откажусь. Деревья не питаются рыбой.

В то же самое время на другом конце города Вэйшэн У, затаив дыхание, крутил в руках переливающееся Изумрудное перо, не в силах скрыть восторга.

Какая невероятная удача! Всего за одну золотую ракушечную монету ему удалось выменять у заезжего шамана подлинное сокровище. Эта безделушка даровала полную невидимость от взора любого человеческого шамана. Таинственный торговец клятвенно заверял, что стоит лишь укрыться от чужих глаз и незаметно последовать за собственным отцом, как решение постылой проблемы с бесконечным мытьем перил само придет в руки.

«Тоже мне, секрет Полишинеля! Будто я сам до этого не додумался бы».

Едва переступив порог родного дома, Вэйшэн У активировал артефакт и бесшумной тенью скользнул в отцовский кабинет — святая святых, куда ему под страхом сурового наказания соваться категорически запрещалось.

Не успел он как следует осмотреться, как снаружи послышались тяжелые, торопливые шаги. Отец возвращался.

Сердце юноши испуганно екнуло. Забившись в самый темный угол за массивным книжным

шкафом, он затаил дыхание и весь обратился в слух. Страх пополам с азартом пьянил кровь.

Из коридора донесся незнакомый властный голос. Вэйшэн У изумленно приоткрыл рот.

«Великий командующий армией Юйли?! Каким ветром его занесло в нашу глушь? И когда только отец успел сойтись с птицей столь высокого полета?»

Его недоумение было вполне оправданным. Пускай их род и вел свое начало от древнего культа духов предков, былая слава семьи давно угасла. В последние столетия пределом мечтаний для их соплеменников оставался ранг человеческого шамана. А в мире тайных искусств сила решала всё. Пропась, разделявшая земного и человеческого шаманов, порой была шире, чем разница между могущественным практиком и самым обыкновенным смертным.

Тем временем дверь распахнулась, и в кабинет вошли двое.

— Шаман Юй, это все сведения, которыми я располагаю, — раздался заискивающий голос Вэйшэн Ло. — Всеми вопросами жертвоприношения заведует шаман Бай. Однако если непредвиденные обстоятельства помешают ему явиться в срок, бремя проведения ритуала ляжет на ваши плечи.

— Я понял, — глубокий, ровный бас Юй Личжи заставил воздух в комнате слегка завибрировать. — Одно меня смущает: шестнадцать посланников Истока. Тебе не кажется, что это чересчур?

— Для вознесения шамана Бая в ранг Небесного шамана припасен более чем щедрый удел, — в тоне Вэйшэн Ло, несмотря на всю его подчеркнутую вежливость, просквозил леденящий душу яд. — Что же касается излишков... Все зависит лишь от вашего согласия оставить здесь шаманов-учеников. Да, они еще сущие дети, их духовные силы ничтожны, однако их кровь кипит первозданной жизненной силой, а искры духовности чисты как слеза. Два миллиона этих сосудов стоят двадцати миллионов обычных простолюдинов. Оставим мы их в живых для алтаря — и полученной мощи с лихвой хватит, дабы взрастить еще двух Небесных шаманов.

Наступила зловещая, тяжелая тишина. Наконец Юй Личжи неторопливо спросил:

— Твой старший сын, помнится, тоже из числа этих учеников?

— Мальчишка глуп, упрям и лишен всякого почтения к старшим, — без малейшего колебания отозвался отец. — В его пустой голове лишь драки да бахвальство. Жив он останется или сгинет на жертвенном камне — для нашего великого дела разницы нет.

— Но я на это не пойду, — отрезал Юй Личжи. — Среди этих детей немало моих сородичей. Они — будущее государства Ди. Я прекрасно понимаю твою жажду власти, Ло, но не пытайся откусить больше, чем сможешь проглотить. Получишь свою долю — и убирайся. И не смей

замышлять лишнего.

Собеседники еще некоторое время спорили о деталях предстоящего ритуала, после чего покинули кабинет, заперев за собой тяжелую дубовую дверь.

Вэйшэн У так и остался стоять за шкафом, словно обратившись в ледяное изваяние. Он не шевелился, не дышал, а когда силы окончательно покинули его, беззвучно сполз на пол. В полузабытьи он просидел в темном кабинете до глубокой ночи.

«Весь мой мир... разрушен».

Прошло немало времени, прежде чем тишину нарушил тихий, недоуменный шорох, и чей-то знакомый голос шепотом спросил над самым его ухом:

— Эй, ты чего тут расселся в темноте?

Перед ним стоял Бай Жан. На его юном лице читалась нешуточная тревога.

— Скоро обход спален, — встревоженно зашептал он. — Если надзиратели не обнаружат тебя на месте, в лучшем случае приговорят еще к двум неделям чистки перил. Живо возвращайся!

Вэйшэн У медленно поднял голову. В его пустом, безумном взгляде полыхнула лютая, отчаянная ярость. Он вцепился в плечи друга мертвой хваткой:

— Я придушу тебя прямо здесь, — прохрипел он, едва сдерживая рыдания. — А твой труп отнесу главному смотрителю училища! Пускай все узнают, какие твари среди нас ходят! Я выведу вас всех на чистую воду!

— Ну зачем же так горячиться? — без малейшего страха вздохнул Бай Жан и покорно опустил на пол рядом с ним. Понаблюдав, как Вэйшэн У кулаком размазывает по щекам злые, горькие слезы, он тихо добавил: — Хотя... если тебе от этого станет легче — валяй, бей. Я не стану сопротивляться.

Вэйшэн У опешил, его гневная тирада застряла в горле.

— Умирать я умею отменно, комар носа не подточит, — с совершенно серьезным видом продолжил Бай Жан. — А как закончишь свое правое дело — просто прикопай меня где-нибудь под деревом в тихом уголке.

Вэйшэн У злобно прищурился:

— А если я решу предать твоё тело огню?

— Неужто я заслужил столь лютую кару? — Бай Жан озадаченно почесал затылок, а затем заговорщицки понизил голос: — Слушай, раз уж мы заговорили начистоту... Хочешь, я выдам тебе местонахождение моего старшего брата?

Вэйшэн У скривился в горькой усмешке:

— Ты за дурака меня держишь? Думаешь, я куплюсь на твои басни?

— И в мыслях не было, — пожал плечами Бай Жан. — Не веришь — как знаешь, навязываться не стану... Но все же, ты твердо решил не возвращаться в обитель?

Вэйшэн У резко поднялся на ноги, решительно вздернув подбородок:

— Идем со мной. Живо!

Бай Жан удивленно моргнул:

— Куда это?

— Нам нужно разыскать одного человека, — процедил Вэйшэн У, сжимая в кармане заветное изумрудное перо. — Тот загадочный шаман неспроста надоумил меня пробраться сюда. У него явно был свой умысел. Мы найдем его, и он ответит на все мои вопросы!

<http://bllate.org/book/20648/2233590>